

Научная статья

УДК 008

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-75-95>

ПОЧТИ НЕ СЛУЧИЛОСЬ: НЕВЕРОЯТНЫЙ ВЕЛИКИЙ СОЮЗ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1929–1942): КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА

Майкл Джабара Карлей

Монреальский университет, Монреаль, Канада

michael.j.carley@umontreal.ca

Аннотация. В статье представлена глава из англоязычной рукописи об отношениях СССР с различными европейскими странами и США с довоенного периода до 1942 г., раскрыты социокультурные аспекты дипломатической деятельности. Ключевая тема — отношения СССР с нацистской Германией и Польшей в 1933 г. — рассмотрена в более широком контексте истоков и развития Второй мировой войны, — важного вопроса в отношениях Российской Федерации с западными странами. Президент Владимир Путин проявил личный интерес к этим вопросам, настаивая на честном и открытом отношении к данному историческому периоду. Методология исторического повествования основана на исследовании архивов, в частности Архива внешней политики Российской Федерации в Москве. Цель исследования — изучить политику Народного комиссариата иностранных дел, в особенности личные взгляды его лидеров — М.М. Литвинова, Н.Н. Крестинского и Б.С. Стомонякова — по вопросам отношений Советского союза с Германией и Польшей. 1933 г. был переломным годом в отношениях Советского Союза с внешним миром: произошел переход от так называемых «рапальских» корректных отношений с Германией к новой политике коллективной безопасности и взаимопомощи в борьбе с нацистской Германией. Можно проследить развитие идей Наркоминдела в ответ на рост влияния Гитлера: от мгновенной тревоги к растущей убежденности, что «рапальские договоренности» мертвы и СССР нужно укреплять отношения с Западом и Польшей. Это может удивить тех читателей, кто думает, что СССР, или по крайней мере Сталин, всегда склонялся к сотрудничеству с Германией. Иных читателей удивит то, что Наркоминдел искал союза с Польшей в борьбе с нацистской угрозой. Именно польское правительство уклонялось от него, предпочтя пакт о ненападении с нацистской Германией. Могли ли поляки и русские закопать топор войны после столетий враждебности? Не могли, и это одна из многих трагедий.

Ключевые слова: Наркоминдел, рапальские договоренности, СССР, Германия, Польша, Франция, Сталин Литвинов, Крестинский, Стомоняков

© Карлей М.Дж., 2021

Для цитирования: Карлей М.Дж. Почти не случилось: невероятный Великий союз во Второй Мировой войне (1929–1942): культура и политика // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, № 1. — С. 75–95. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-75-95>

Original article

A NEAR-RUN THING: THE IMPROBABLE GRAND ALLIANCE OF WORLD WAR II (1929–1942): CULTURE AND POLITICS

Michael Jabara Carley

University of Montreal, Montreal, Canada
michael.j.carley@umontreal.ca

Abstract. This is a chapter from a draft manuscript of some 2000pp. in English being prepared for publication on relations between the USSR and various European powers, large and small, and the United States in the lead-up to World War II and then beyond until 1942. The author discovers and illustrates social and cultural aspects of diplomatic activities. The topic is Soviet relations with Nazi Germany and Poland in 1933. The larger context is the origins and unfolding of World War II, a subject of importance both intrinsically and politically in relations between the Russian Federation and the western powers. President Vladimir Putin has himself taken an interest in these questions, insisting on an honest, frank historical treatment of that period. How did the USSR and in particular the Narkomindel react to Adolf Hitler's assumption of power in Germany at the end of January 1933? What additional information do the Russian archives contribute to our knowledge of the origins of the war? The methodology is that of a historical narrative based on archival research, especially in the AVPRF in Moscow. The objective is to explore the policies of the Narkomindel, and in particular the personal views of its leaders, M. M. Litvinov, N. N. Krestinskii, and B. S. Stomoniakov, on the interconnected issues of Soviet relations with Germany and Poland. Let's call it an *histoire des mentalités*. 1933 was a year of transition in Soviet relations with the outside world moving from the so-called *Rapallo* policy of correct relations with Germany to a new policy of collective security and mutual assistance against Nazi Germany. In this chapter one can follow the evolution of ideas in the Narkomindel in reaction to Hitler's rise to power: from immediate anxiety to a growing conviction that *Rapallo* was dead and that the USSR had to form stronger relationships in the west and with Poland. This may surprise some readers who think that the Soviet preference, or at least Stalin's, was always a German orientation. As for Poland, in what may also surprise some readers, and especially many Poles, the Narkomindel sought better relations with Poland to counter the Nazi danger. It was the Polish government which did not want them, preferring a non-aggression pact with Nazi Germany (January 1934). Could Poles and Russians ever bury the hatchet after centuries of animosity? In a tragedy amongst many, they could not do so.

Keywords: Narkomindel, Rapallo, USSR, Germany, Poland, France, Stalin, Litvinov, Krestinskii, Stomoniakov

For citation: Carley M. J. (2021) 'A Near-Run Thing: the Improbable Grand Alliance of World War II (1929–1942)', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(1), pp. 75–95. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-75-95>

Политические события в Германии развивались быстро. В 1932 г. правительства в Берлине сменялись почти так же быстро, как в Париже. Все закончилось в 1933 г. Гитлер стал рейхсканцлером и сразу же приступил к созданию нацистской диктатуры, объявив вне закона вначале коммунистическую, а затем и социалистические партии. Гитлер не делал секрета из своих намерений; в 1925 г. он обнародовал их в большой книге *“Mein Kampf”* [«Моя борьба» — Прим. пер.] В ней выдвигался гитлеровский проект немецкого доминирования в Европе и территориальной экспансии далеко на восток до Уральских гор, ставший предметом пристального внимания Литвинова и его коллег из НКВД.

В середине февраля 1933 г. советский полпред в Риме Владимир Петрович Потемкин сказал своему немецкому коллеге, что враждебные заявления нацистских лидеров ставили будущее советско-немецких отношений под сомнение¹. В конце февраля 1933 г. — Гитлер ещё не успел провести и месяца на посту рейхсканцлера — заместитель Литвинова Николай Николаевич Крестинский встретился с немецким послом Гербертом фон Дирксеном. Дирксен заявил, что политика Германии в отношении СССР останется неизменной. «Борьба гермпра с коммунизмом» внутри правительства не мешала сохранению хороших отношений с Советским Союзом. В беседе Крестинский ответил, что СССР не хочет менять политику в отношении Германии, но антисоветские заявления нацистских лидеров и агрессивные действия против советских граждан и организаций в Германии не могут не беспокоить. В этих обстоятельствах недостаточно дружеских заверений представителей немецкого правительства, сделанных в частном порядке, «с глаза на глаз». Такие заявления неиз-

вестны общественности и не мешают одновременно с этим делать противоположные заявления. Дирксен постарался говорить обнадеживающе². Спустя два дня нарком Максим Максимович Литвинов в Берлине переговорил с министром иностранных дел Германии Константином фон Нейратом.

Смена правительства, сказал Нейрат, не означает смены политического курса. Литвинов ответил, что не так уж в этом уверен³. Нарком часто говорил своим собеседникам, что одних слов недостаточно, значение имеют только действия. «Не знаю», — писал Литвинов Потемкину, — «известно ли на Западе о многочисленных недружественных действиях против советских граждан и организаций со стороны новой власти в Германии»⁴. По иронии судьбы, ещё в 1927 г. Литвинов и Дирксен, независимо друг от друга, пришли к выводу, что рапальские договоренности будут недолговечными. Вопрос был только во времени и интересах [Карлей, 2019: 441-442]. И их час пробил.

Литвинов — интересная личность, с которой читатели часто будут встречаться в ходе этого повествования. Родился он в 1876 г. в Белостоке в Гродненской губернии, на территории современной Польши, в многодетной еврейской семье. Отец был банковским служащим. В отличие от многих своих коллег Литвинов не получил университетского образования — оно было почти недоступным для евреев в царской России. Он пошел в армию, где сделался артиллеристом, много читал, в том числе труды Карла Маркса и Фридриха Энгельса. В 1901 г. его впервые арестовали как члена киевской ячейки РСДРП. Урожденный Меер-Генох Моисеевич Валлах, он использовал ряд псевдонимов: Папаша, Феликс, Граф и другие, чтобы запутать царскую полицию. В 1902 г. он сбежал из царской

¹ «Разговор с немецким послом [Ульрихом] фон Хасселем, 14 февраля 1933 года», Потемкин (Рим), №90/С., секретно, 3 марта 1933, Москва, Архив внешней политики Российской Федерации (здесь и далее АВП РФ), Ф. 05, ОП. 13, П.90, Д.11, ЛЛ. 143-145.

² Отрывок из дневника Крестинского, «Прием германского посла фон Дирксена, 27 февраля 1933 г.», секретно, АВП РФ, Ф.082, ОП.16, П.71., Д.1, ЛЛ.45-41.

³ Отрывок из дневника Литвинова «Беседа с фон Нейратом,» секретно, 1 марта 1933, АВП РФ, Ф.082, ОП.16, П.71, Д.1, ЛЛ.57-53.

⁴ Литвинов Потемкину, №Л/35, секретно, 15 марта 1933, АВП РФ, Ф.05, П.90, Д.15, ЛЛ.1-5.

тюрьмы в Европу, а в 1905 г. вернулся в Россию, в Петербург, где присоединился к революции. Он помогал редактировать большевистскую газету «Новая жизнь», а затем в Европе занимался отмыванием денег, закупкой и поставкой оружия для большевистской партии. Максим Максимович был полиглотом, искателем приключений, секретным агентом. На одной из ранних фотографий Литвинов одет в косоворотку, у него густые усы — в те годы такие усы говорили о мужестве — и темные вьющиеся волосы. Он выглядит устрашающе, как разбойник. О ранних годах Литвинова, большевика-контрабандиста, вышел бы увлекательный приключенческий роман. В 1908 г. по запросу о выдаче преступника его арестовали во Франции, но выслали не в Россию, а в Великобританию. Обосновавшись в Британии, он перестал заниматься оружием, но не отказался от идей революции и, действуя по указаниям Ленина, продолжал публично поддерживать партию большевиков. Тем не менее, ему нужна была работа, и он устроился в лондонское издательство. В 1916 г. в возрасте 40 лет он женился на 27-летней англичанке Айви Лоу, талантливой писательнице, происходившей из интеллигентной семьи среднего достатка. Вскоре у них родились двое детей и, если бы не революция, возможно, Максим Максимович стал бы почтенным лондонским издателем и салонным интеллектуалом. Но судьба его была иной, так как в 1917 г. разразилась революция и большевики пришли к власти. В 1918 г. он стал неофициальным дипломатическим представителем Советской России в Лондоне. Первые телеграммы, которыми он обменивался с советским правительством были *en clair* [открытыми — Прим. пер.] и иногда составлены на английском. В сентябре 1918 г. его арестовали и позднее обменяли на британского дипломата в России Роберта Брюса Локкарта. Он оставил Айви и детей в Лондоне по соображениям безопасности и отправился защищать дело революции в окруженную врагами и страдающую под блокадой советскую Россию, голодную, холодную и исполненную опасностей.

Правительства США, Британии и Франции хотели свергнуть правительство боль-

шевиков и, если бы представилась такая возможность, попросту бы всех их перевешали. Представлять Советскую Россию на Западе было нелегким делом. Нужно было обладать сильной волей, и этого Литвинову было не занимать. Противники называли его, среди прочего, упертым, упрямым и несговорчивым. По-своему, это было комплиментом. Литвинову нужно было найти способ улучшить отношения на условиях взаимной выгоды, в особенности в вопросах торговли, экономического развития, и хотя бы частичного урегулирования царского долга в обмен на мирное сосуществование. Запад, конечно, никогда бы не позволил большевикам удержаться, если бы мог этому воспрепятствовать, но революция после Мировой войны была заразной. Элиты, восседавшие в удобных креслах и отдыхавшие в роскошных клубах европейских столиц, вовсе не собирались сдаваться без борьбы. Их боевой клич — *Fini les Boches, voilà les Bolchos* [Покончили с бошами, покончим и с большевиками — Прим. пер.], раздавался ... по клубам и правительственным кабинетам. Обыватели же, и особенно солдаты, пережившие четырехлетнюю *abbatoir* [бойню — Прим. пер.], не хотели рисковать жизнью и здоровьем ради борьбы с большевизмом в России. Надави на них сильнее, и солдаты бы переметнулись на сторону революции. Примеры уже были. Французские солдаты и матросы, отправленные на борьбу с советской властью на Украину и в Крым, взбунтовались и угрожали передать своё оружие и корабли большевикам. Это отрезвляюще подействовало на диванных интервенционистов и подпортило им вкус сигар с коньяком.

За неимением выбора западные элиты в конце концов неохотно смирились с позицией «живи и дай жить другим» в отношении советского правительства. В сложных условиях 1920-х гг. Литвинов играл важную роль в достижении дипломатического признания и установлении торговых отношений с Западом. Он уже не был разбойником и контрабандистом. Не было больше густых усов и копны темных волос — он располнел, у него наметился второй подбородок, и теперь он вполне

мог сойти за дипломата. Советский прагматик и полиглот, он с самого начала продвигал идею сближения и на Западе, и у себя на родине. Задача эта была непростая, как на Западе, так и в России, где многие его коллеги — Литвинов называл их «наши ораторы» — всё ещё выступали за мировую революцию. Для них разрыв отношений с Западом был вопросом времени. В этих условиях Литвинову и его коллегам из НКВД оставалось только одно — быть прагматиками.

Таким образом, когда Гитлер пришел к власти, дел у Литвинова стало невпроворот. В рамках кампании против немецких коммунистов нацистские вандалы донимали советских граждан, работавших в различных советских организациях. «Все наши протесты против провокационных действий германских фашистов до сих пор не дали результатов», — отчитывался Литвинов вождю Иосифу Виссарионовичу Сталину. «Более решительный протест тоже может остаться безрезультатным». Единственной возможностью оказать давление на немцев, по мнению Литвинова, было разыграть польскую карту, то есть отправить в Польшу торговую делегацию и придать этому широкую огласку⁵. Предлагая польский вариант, Литвинов, учитывая сомнительную политику Варшавы в отношении СССР, раскрывал слабость своей позиции, но что ещё ему оставалось делать?

Советник советского посольства в Берлине отмечал, что публичные заявления представителей нацистской партии повторяли основные тезисы “Mein Kampf”⁶. 3 апреля, в тот же день, когда Литвинов писал Сталину, Крестинский снова встретился с Дирксеном, чтобы обсудить ухудшение советско-немецких отношений. Никогда ещё они не были столь сложными, сказал Крестинский. Заверений Гитлера, сделанных во время выступления в Рейхстаге 23 марта, было недостаточно. Дей-

ствия важнее слов, а уличные нападения на сторонников левых сил продолжались. «Наша общественность» — что, по сути, означало Сталина и его ближайших соратников из Политбюро — встревожена. Рейхсканцлер говорит одно, но его коллеги действуют иначе. Чему же верить? Дирксен и находившийся с ним немецкий атташе пытались успокоить Литвинова. Всё устроится⁷. Литвинов не был в этом уверен и, казалось, учитывал предупреждение берлинского посольства о “Mein Kampf”. Он обратил внимание Сталина на беспокойство в странах Прибалтики в связи с приходом Гитлера к власти и широко известным (из “Mein Kampf”) планам по поводу *lebensraum* [жизненного пространства — Прим. пер.] на Востоке⁸.

Поговорив с Крестинским, Дирксен встретился с Литвиновым. Разговор прошел почти так же, как с Крестинским, но в этот раз тон был несколько более резким. Дирксен пытался объяснить, почему нападения на советских граждан и организации в Германии являлись лишь «изолированными» происшествиями, которые вскоре прекратятся, но Литвинов отказывался верить. В своем дневнике нарком писал: «Я ответил, что мы действительно были встревожены приходом к власти в Германии людей, политическое кредо которых не могло внушать нам оптимизма касательно судьбы наших взаимоотношений». Литвинов написал «мы». Посол «должен понимать то возмущение и негодование, которое в нашей общественности вызывают события [в Германии], о которых писали последние дни наши газеты». Под этим подразумевались непосредственно Сталин и члены Политбюро. На этом Литвинов не остановился. Дирксен говорит об отдельных происшествиях, «но дело в том, что в Германии мы сейчас имеем дело не с отдельными локальными случаями, а с массовой травлей всего, что носит название

⁵ Литвинов Сталину, №50/Л, секретно, 3 апреля 1933, АВП РФ, Ф.05, ОП.13, П.94, Д.78, Л.51.

⁶ “О внешней политике национал-социалистов», Б.Д. Виноградов (Берлин), № 439, секретно, 13 апреля 1933, АВП РФ, Ф.05, ОП.13, П.91, Д.28, ЛЛ.219-228.

⁷ Отрывок из дневника Крестинского, «Прием германского посла фон Дирксена и германского военного атташе Гартмана 3.IV.1933 г.», секретно, АВП РФ, Ф.05, ОП.13, П.91, Д.28, ЛЛ.127-130.

⁸ Литвинов Сталину, №58/Л, секретно, 13 апреля 1933, АВП РФ, Ф.05, ОП.13, П.94, Д.78, ЛЛ.55-59.

советского. Речь идет об организованной кампании, направляемой из единого центра..., причем [немецкое] правительство никаких мер не принимает для ее ликвидации». Так продолжаться не может, заявил Литвинов, «наша общественность» требует ответных мер. В ответ Дирксен не нашел ничего лучше, как предложить, чтобы советские газеты воздерживались от публикации плохих новостей из Германии. На это Литвинов заметил, «что вопрос еще должен быть решен [немецким] правительством»⁹. Дирксен его понял. Он написал в Берлин, что «убежден, что во взаимоотношениях наступил серьезный кризис». Если с кризисом не справиться, СССР может полностью изменить свою политику в отношении Германии¹⁰.

Дирксен, в отличие от Гитлера, был встревожен ухудшением советско-немецких отношений. Он рекомендовал Берлину продлить Берлинский договор [1926 года — Прим. пер.], что было единственным способом стабилизировать отношения с Москвой. Это было сделано в начале мая, но результатов почти не принесло. Крестинский отмечал, что продление договора было всего лишь уловкой, чтобы помешать улучшению отношений между СССР, Францией и Польшей. Но все же он осторожно надеялся на перемену немецкой политики к лучшему, хотя, как он написал, «ни Вы, ни мы не должны уменьшать нашей бдительности и нам нужно будет по-прежнему самым решительным образом реагировать на каждый эксцесс, на каждое нарушение наших прав»¹¹. В итоге советское правительство ответило на немецкую учтивость публичным ударом; Литвинов надеялся, что Франция и Польша это заметят. Этим ударом была статья Карла Радека в «Правде», направленная против пересмотра Версальского мирного договора. В статье гово-

рилось, что «пересмотр» означает, по сути, новую мировую войну. Литвинов отметил, что статья Радека вызвала протест со стороны Дирксена и нашла одобрение в Польше. А что Франция? Литвинов обратился к полпреду во Франции В.С. Довгалеvскому¹². Французское посольство, как оказалось, не проинформировало Париж о статье.

Литвинов соглашался с Крестинским насчет того, что Германия искала выход из дипломатической изоляции, но имел в виду, прежде всего восстановление советско-немецких отношений, а не сближение с Францией¹³. Крестинский, казалось, был настроен в отношении сохранения «рапалльской политики» чуть более оптимистично, чем Литвинов. Но, может быть, и нет. Хотя НКВД дистанцировался от статьи Радека в разговоре с Дирксеном, Крестинский считал ее «абсолютно правильной установкой по отношению к Версальскому договору»¹⁴.

Крестинский — первый заместитель комиссара НКВД — был одним из наиболее обаятельных людей на службе у советской власти. Он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию в 1903 г. и после раскола партии присоединился к большевикам. Родился он в 1883 г. в провинциальном Могилеве и был на семь лет младше Литвинова. В гимназии Николай Николаевич хорошо учился, — ожидаемый результат для того, кто вырос в семье учителей. В итоге он получил юридическую степень в Петербургском университете. Крестинский был членом первого политбюро и наркомом финансов. Будучи в хороших отношениях с Лениным, он занимал пост секретаря Центрального комитета до 1921 г., когда его уволили, по словам Молотова, за недостаточное внимание к «политике». Затем он отправился в Берлин в качестве полпреда; в то время в Советской

⁹ Орывок из дневника Литвинова, «Разговор с Дирксеном 3.IV.33 г.», секретно, АВП РФ, Ф.05, ОП.13, П.89, Д.4, ЛЛ.55-59.

¹⁰ Дирксен, №60, срочно, секретно, 3 апреля 1933, «Документы о немецкой внешней политике», С, I, 241-42.

¹¹ Крестинский Л.М. Хинчуку, Советскому полпреду в Берлине, № Г001-1214, секретно, 7 мая 1933, АВП РФ, Ф.05, ОП.13, П.91, Д.27, ЛЛ.16-17.

¹² Литвинов Довгалеvскому, №78/Л., секретно, 17 мая 1933, АВП РФ, Ф.010, ОП.8, П.32, Д.89, ЛЛ.78-83.

¹³ Литвинов Довгалеvскому №78.Л., там же.

¹⁴ Крестинский Хинчуку, №Г001-1232, совершенно секретно, 17 мая 1933, АВП РФ, Ф.05, ОП.13, П.91, Д.27, ЛЛ.37-42.

России это была самая важная зарубежная должность. Как и Литвинов, он был прагматиком, говорил на нескольких языках и отлично подходил для того, чтобы поддерживать отношения со средним классом, социал-демократами и прусскими консерваторами в Веймарской республике. В выстраивании отношений с немецкой элитой Крестинскому сопутствовал успех. Судя по фотографиям, он совершенно не похож на несгибаемого большевика со стальным взглядом. В общем-то никто из дипломатов так не выглядел: от неподходящих кадров с самого начала старались избавиться. В облике же Николая Николаевича было что-то добродушное: с полуулыбкой, в круглых в золоченой оправе очках, лысеющий, но с острой «чеховской» бородкой и усами. С берлинскими деловыми кругами он был аккуратен и обходителен, что раздражало некоторых немецких дипломатов, но было очень полезным для советской торговой политики. Французский посол в Берлине говорил о Крестинском, что тот умел не привлекать к себе ненужное внимание и избегать неприятностей. В политической борьбе против Сталина Крестинский поддерживал Троцкого, хотя и менее явно, чем иные его коллеги. Молотов обвинил его в «троцкизме». Крестинский действительно недолго любил Сталина, и антипатия была взаимной. В 1928 г. Сталин резко раскритиковал Крестинского, все ещё полпреда в Берлине, за неточное следование указаниям Политбюро. Письмо Сталина было леденящим, и Крестинский уступил. Даже в 1928 г. ссориться со Сталиным было опасно. В 1930 г. Крестинский вернулся в Москву и стал замнаркомом в НКВД. Поговаривают, что он хотел занять место Литвинова, но в корреспонденции НКВД подтверждений этому нет. Возможно, Крестинский был чуть больше настроен на спасение Рапалльского договора. Это было бы неудивительно, учитывая сколько усилий он приложил для сглаживания советско-германских отношений. Но если и так, то это не сыграло особой роли, поскольку в итоге его позиция совпала с позицией Литвинова.

Что же Сталин? Есть мнение, что он был настроен на сближение с Германией. Американский историк и политолог Роберт Ч. Такер настаивал, что Сталин предпочитал нацистскую Германию другим европейским партнерам. И даже потворствовал приходу нацистов к власти [Такер, 1990: 230–231]. Российский историк С.З. Случ также считает, что Сталин определенно предпочитал «прямое сотрудничество» с нацистской Германией (Кудряшов С.В., 2019) (Кудряшов С.В., 2019) [Бонвеч, Кудряшов, 2009: 17]. Но на самом деле, в 1931 г. Сталин спорил с Литвиновым из-за отношений с Германией и Польшей. Литвинов хотел отстоять предусмотренную Рапальским договором политику, а Сталин выступал за улучшение отношений с Польшей и заключение пакта о ненападении [Жен, Рупасов, 2000: 258–266; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. 2001: 113–115]¹⁵. У Сталина и Литвинова были сложные отношения, в которых они зачастую дополняли друг друга. Иногда они схлестывались не на шутку, однако чаще всего Сталин все же следовал рекомендациям Литвинова, даже если немного ворчал. Когда Литвинов добился дипломатического признания СССР со стороны США в ноябре 1933 г., уважение Сталина к нему возросло. Когда в том же году Литвинов выступил за сближение с Францией, Сталин его поддержал. И здесь они, опять же, работали в тандеме: иногда Сталин успокаивал Литвинова, возмущенного недобросовестностью Франции; иногда наоборот.

В Москве продолжалась пикировка между немецким послом и его собеседниками из НКВД. Литвинов вновь встретился с Дирксеном в середине мая. «Фашизм сам по себе, как и всякая иная социально-политическая идеология буржуазных правительств, не является препятствием для установления и развития наилучших взаимоотношений». Однако, в отличие от Италии, нацистское правительство делало все возможное, чтобы накалить отношения с Советским Союзом. Ратификация обновленного Берлинского договора в

¹⁵ Каганович Сталину, 21 сентября 1931 и Резолюция политбюро, № 63, 20 сентября 1931.

целом была принята хорошо, особенно «в наших правительственных кругах», но сохранялись серьезные сомнения. «У нас есть люди», кто считает, что Гитлер скрывает свои истинные намерения по отношению к нам, и что уже готовятся планы по ухудшению наших отношений с Францией и Британией. Литвинов был предельно откровенен с Дирксеном. «Мне кажется», — говорит он, — «что не осталось ни одного советского или полусоветского учреждения в Германии, которое не подверглось бы обыску или разгрому». Разговор с Дирксеном продолжается в том же ключе. «Мы ничего большего не хотим, как продолжения тех же отношений с Германией, какие существовали у нас при [Вальтере] Ратенау, [Густаве] Штресемане и [Юлии] Курциусе [среди прочего, министры иностранных дел Германии — Прим. авт.]. Возможность этого зависит, однако, не от нас, а от германского правительства». Затем Литвинов саркастично заметил, что улучшению отношений с Берлином «будет... способствовать наша политика сближения с Францией, Польшей и другими странами...»¹⁶. Спустя две недели он подтвердил сказанное в разговоре с Нейратом [Вестник, 2009: 63–64]¹⁷. СССР продолжал придерживаться политики сохранения Рапалльских договоренностей вплоть до конца лета.

Крестинский вкратце передал советскую позицию полпреду в Берлине Л.М. Клинчуку. Внешняя политика национал-социалистов была «ярко антисоветской», и с момента их прихода к власти штурмовики «наносили нам удары один за другим». Если политика нацистов и смягчилась и было смягчение нацистской политики, то только потому, что Германия пыталась выйти из дипломатической изоляции, возникшей из-за их безалаберного поведения на международной арене. Большая часть нашей общественности видит в этом лишь временную переменную, говорит Крестинский, «основной линией внешней политики нацпра Германии по-прежнему

остаётся стремление расширять свои владения на Восток за счёт расчленения Советского Союза». Советская «общественность» видела доказательство этих намерений в заявлениях нацистских политиков, которых поддерживали белые иммигранты из России, обладавшие влиянием на внешнюю политику Германии. «При этом ни Литвинов, ни я, ни [Давид Григорьевич] Штерн [глава отдела НКВД] не солидаризуемся с этими настроениями нашей общественности, но защищаем законность таких настроений [перед Дирксеном] и даем Дирксену понять, что германское правительство должно унять Розенберга и на деле доказать свое желание продолжать политику прежних правительств по отношению к нам».

Советское правительство действовало осторожно, надеясь на улучшение отношений с Германией, и в то же время развивало отношения с Францией и Польшей, полагая, что и здесь может случиться перемена к лучшему. «Мы не желаем путем ненужного внешнего подчеркивания дружбы с Германией мешать улучшению наших отношений с Францией и Польшей. Но в то же время по существу мы хотим улучшения наших отношений с Германией, хотим ликвидации всех конфликтов, имевших место за последние месяцы, одним словом, хотим, чтобы наши отношения вернулись в прежнее спокойное русло». По сути, Крестинский надеялся на то, что «передышка» во враждебном отношении Германии послужит интересам Советов, и чем дольше она продлится, тем лучше. Если такая передышка действительно будет, осторожно замечал Крестинский¹⁸. Можно представить себе, какое влияние на Крестинского имели воспоминания о Рапалльском договоре. Советско-германские отношения в 1920-е гг. часто осложнялись и едва ли напоминали «тихую заводь».

Крестинский сообщил советскому полпреду в Берлине Л.М. Хинчуку, что он и Литвинов сходятся в том, что желательно

¹⁶ Отрывок из дневника Литвинова «Разговор с Дирксеном, 16.V.33 г.», секретно, АВП РФ, Ф.082, ОП.16, П.71., Д.1, ЛЛ.195–191.

¹⁷ Отрывок из дневника Литвинова «Разговор с фон Нейратом, 29.V.33».

¹⁸ Крестинский Хинчуку, №Г001-1232, совершенно секретно, 17 мая 1933, АВП РФ, Ф.05, ОП.13, П.91, Д.27, ЛЛ. 37–42.

сохранять старую политику, пусть и не во всё. В июне Литвинов отметил, что «с Германией, очевидно, ладить не удастся. Надо поэтому искать опору, где только возможно». Речь шла о Франции [Карлей, 2020]. А также о налаживании отношений с Малой Антантой в Центральной и Восточной Европе (Чехословакия, Румыния, Югославия), что, в свою очередь, могло быть полезным для отношений СССР с Францией и Польшей¹⁹.

В середине июня Альфред Гугенберг, в то время министр экономики в гитлеровском правительстве и глава немецкой делегации на Всемирной экономической конференции в Лондоне, выступил с речью, помимо прочего, упомянув необходимость нового жизненного пространства для Германии. В своем так называемом меморандуме Гугенберг говорил от своего лица, но центральной темой выступления были идеи из *“Mein Kampf”*. Так или иначе, на Москву это подействовало как красная тряпка на быка. Советское посольство в Берлине заявило официальный протест²⁰. Литвинов, находившийся в Лондоне, написал Крестинскому, что речь Гугенберга стала очередным предупреждением и «должна побудить нас усилить нашу активность в Париже»²¹.

Возможно, в том письме Литвинов не упомянул Польшу потому, что к лету 1933 г. НКВД все ещё с недоверием относился к намерениям польского правительства. Эти подозрения только усилились из-за попыток Польши не дать Литвинову выработать определение агрессора, что стало бы дополнением к заключению Советами пактов о ненападении. Он впервые выдвинул это предложение в феврале 1933 г. в контексте Женевской конференции о разоружении, которая началась в 1932 г., но оно не получило развития. Германия требовала «равных прав» при

разоружении; Франция хотела сохранить полученные по результатам Версальского договора преимущества. Литвинов считал, что Конференция по разоружению закончилась «провалом», а Лига Наций «распалась». Тем не менее, линия на то, чтобы участвовать в международных мероприятиях и всё время быть на виду, сохранялась, что должно было способствовать усилению «международной позиции» СССР²².

Среди прочих проблем выделялся вопрос советско-польских отношений. Польша упорно не желала допустить «усиления международного влияния и авторитета СССР и укрепления его международного положения», и Борис Спиридонович Стомояков отмечал, что «...закулисное поведение Польши доказывает, что Польша ведет весьма сложную дипломатическую игру, которая учитывает не только возможность дальнейшего улучшения советско-польских отношений, но и возможность их ухудшения. Именно поэтому вся история переговоров о конвенции [определение агрессора] обязывает нас к весьма большой настороженности по отношению к Польше и к серьёзному недоверию к польской политике». Стомояков, в то время член коллегии НКВД, также с недоверием относился к отношениям Польши и Германии. И в Польше, и в Германии многое говорило о том, что они прилагают усилия, чтобы не допустить ухудшения отношений. По прессе было видно, что стороны стараются воздерживаться от агрессивных шагов. Слухи о немецко-польских переговорах, были слишком упорными, чтобы их можно было списать на дезинформацию. Эдуар Даладьё, глава правительства, и Жозеф Поль-Бонкур, министр иностранных дел Франции, дважды обращали внимание Литвинова на эти переговоры, от которых сами они отстранились. Шарль Алфан, посол Франции в Москве, также отмечал «странное» поведе-

¹⁹ Литвинов (Женева) Крестинскому, №№283 и 286, секретно, 24 июня 1933; и Литвинов Сталину, №274, совершенно секретно, 15 июня 1933, АВП РФ, Ф.05, ОП.13, П.91, Д.20, ЛЛ. 6–8, 9–13, 1–5.

²⁰ Запись разговора с немецким госсекретарем Берхардом Вильгельмом фон Бюлов, Хинчук, 22 июня 1933. Цит. по: Документы внешней политики СССР в 26 тт., Том 16. 1 января — 31 декабря 1933 г. — М.: Политиздат, 1970. С. 360–361. (здесь и далее ДВП)

²¹ Литвинов Крестинскому, №286, секретно, 24 июня 1933, АВП РФ, Ф.05, ОП.13, П.91, Д.20, ЛЛ.9–13.

²² Литвинов Сталину, №58/Л, секретно, 13 апреля 1933, АВП РФ, Ф.05, ОП.13., П.94, Д.78, ЛЛ.55–59.

ние Польши. Приходилось учитывать возможность польско-немецкого соглашения. Нам следует быть бдительными, говорил Стомоняков, учитывая, что французы уже дают эмоциональные комментарии в парижских газетах. У поляков есть выбор: быть с нами или против нас. Нужно поддерживать благоприятствующие СССР польские политические силы и принимать все меры к усилению тех тенденций и сил в Польше, которые ориентируются на первую эвентуальность и с этой целью всемерно стремиться к укреплению, развитию и углублению наших отношений с Польшей²³.

С этой целью Радека, эксцентричного старого большевика польского происхождения, отправили в двухнедельный тур по Польше, чтобы поговорить с польскими коллегами об улучшении советско-польских отношений [Кен, 1996: 67–69]. Это событие широко освещалось, и Радек даже навесил мать у себя на родине в Тарнове в Галиции. В Варшаве установлению контактов способствовал польский журналист Богуслав Медзинский. Помимо прочих, Радек встретился с Беком и генералом Эдвардом Рэдз-Смиглы, генеральным инспектором вооруженных сил Польши. Радек считал эти встречи сигналом, [они] «хотят показать нам полную смену настроений». Он повторял некоторые идеи, сообщенные ему ранее Медзинским. У поляков не было иллюзий. Они понимали, что Германия хотела превратить Польшу в «вассала» в своей будущей кампании против Советского Союза. «Они думают, что Гитлер хочет выиграть возможно много времени, оттянуть войну». Однако война могла разразиться на Дальнем Востоке или на Балканах. Если бы произошло столкновение Японии и СССР, Германия могла бы этим воспользоваться для нападения с востока. Эти размышления были прекрасно известны Советам. Поляки были намерены играть с Гитлером, отвечать «мирным маневром» на мирный

маневр, но готовы были бороться за защиту польского коридора. «Все говорили, что надо идти “дальше по пути сближения”». Даже Бек, если верить Радеку, но так ли это было на самом деле? *Quid pro quo* [услуга за услугу — Прим. пер.], СССР мог бы помочь Польше в защите коридора, а Польша в свою очередь препятствовала бы немецкому продвижению на северо-запад к Ленинграду. Нужно постараться прийти к соглашению по всем вопросам «от Черного моря до Балтики». Бек был мечтателем, но возможность обсуждения безопасности на Балтийском море была реальной. Помимо мечтаний, у поляков были и свои кошмары, например, то, что «Франция продаст их [Польшу] немцам». Однако им было известно, что чем лучше оборона Польши, тем больше будет полагаться на нее Франция. Так в целом и было. Бек намекнул на озабоченность Польши решением рапальского вопроса, были опасения, что на это могла повлиять немецкая армия и «германские традиции в НКВД». Радек утверждал, что ему ничего не известно, и это без сомнения было правдой — он ничего не знал о польских переговорах с немцами. Бек по этому вопросу не высказался²⁴.

Кто знает, как нужно было расценить заявления Бека? Французский посол в Варшаве Жюль Лярош заметил, что этот визит можно было расценить как один из признаков улучшения советско-польских отношений. Так ему казалось. Бек *prend des airs mystérieux* [принял таинственный вид — Прим. пер.], сообщал Лярош, намекая коллеге на то, что что-то назревает, хотя и нельзя было утверждать, что это что-то *forcément* [обязательно — Прим. пер.] касается СССР²⁵. Лярош пробыл в Варшаве долгое время и знал Бека хорошо, лучше Радека. Польский министр, возможно, использовал Радека как приманку, чтобы подогреть интерес немцев. Сталин никак не прокомментировал и не распространил

²³ Стомоняков Антонову-Овсенко, №4242, секретно, 19 июля 1933, АВП РФ, ф.05, ОП.13, п.93, д.48, ЛЛ.23–29.

²⁴ Радек Сталину, рукописные заметки, затем перепечатанные, 12 июля 1933, РГАСПИ, ф.558, ОП.11, д.790, ЛЛ.23–32, Канцелярия Президента РФ, «Вторая мировая война в архивных документах (собрание оцифрованных архивных документов, видео- и фотоматериалов)», <https://www.prflib.ru/en/collections/1298142> (здесь и далее, РФ, Вторая мировая война), 1933.

²⁵ Laroche, nos. 427–30, 17 July 1933, Documents diplomatiques français (hereinafter DDF), 1re série, IV, 4–5.

первый отчет Радека, но он прокомментировал второй отчет, в котором были детали того, как может выглядеть сближение СССР и Польши. Поездка Радека была преимущественно, хотя и не полностью, публичным мероприятием и не имела долгосрочных последствий. Канал Медзинского ещё некоторое время работал, но не принес результата. Но, конечно, его мать была рада с ним повидаться.

Реакция полпреда в Варшаве Антонова-Овсеевского была другой. Его воодушевили слова Радека, и он чувствовал, что НКВД делает недостаточно для укрепления советско-польских отношений. Все до сих пор сводилось к рапальской политике. «Но не поляки, а мы оказались незрелыми к “сближению” с Польшей», — писал он Стомонякову²⁶.

В полемику между Антоновым-Овсеевским и Стомоняковым вмешался Крестинский. Он написал пространную депешу Антонову-Овсеевскому, в которой указывал на то, что их со Стомоняковым позиции не так и отличаются. Более того, он не соглашался с убеждением Антонова-Овсеевского, что сообщения разведки от Даладье и Поль-Бонкура о секретных польских переговорах с немцами были дезинформацией. Существовали и другие подтверждения переданных французами сведений, главным из которых было отсутствие значимой реакции со стороны Польши на меморандум Гугенберга, который угрожал СССР в той же мере, что и Польше. «Мы должны поэтому проявлять чрезвычайную бдительность и противодействовать тем тенденциям польской политики, которые мешают нашему сближению с ней». В газете «Правда» вышла большая статья, чтобы «... показать нашим врагам и в Германии, и в Польше, что их игра нами замечена». Стомоняков разделял это мнение [Советско-польские отношения: 2017, 118–121]²⁷.

При реорганизации НКВД в 1934 г. Стомоняков был повышен в должности до замнаркома. Он отвечал за дела в Польше

и Прибалтике, очень важные регионы в контексте вопроса общеевропейской коллективной безопасности и взаимопомощи. Борис Спиридонович родился в Одессе, портовом причерноморском городе, в 1882 году. Он происходил из болгарской семьи. О его родителях известно немного, но отец, болгарский торговец Спиридон Иванов, нашел средства отправить сына учиться в Горный институт в Санкт-Петербурге с 1900 до 1904 гг. Стомонякова часто называют болгаринном, но если у него и был болгарский паспорт, то только благодаря гражданству отца.

В возрасте восемнадцати лет Стомоняков стал членом РСДРП. Это был типичный путь революционера. Во время революции 1905 г. он находился в Бельгии, где занимался поставкой оружия в Россию. В 1906 г. возвратился в Россию, где был арестован, но пробыл в заключении недолго. В условиях ослабления революционных настроений и репрессий, последовавших за событиями 1905 г., он выбыл из революционного движения. В 1912 г. Стомоняков направился в Болгарию, вероятно, по семейным обстоятельствам: его отец умер в Болгарии на следующий год. В итоге он попал в болгарскую армию, которая вступила в войну с Россией в октябре 1915 г. В 1917 г. Стомоняков вернулся в Москву. В 1921 г. был направлен в Берлин в качестве советского торгового представителя — торгпреда. В 1920-х гг. он участвовал в различных торговых переговорах с Веймарской Республикой. На сохранившихся фотографиях Стомонякова мы видим лысеющего мужчину с усами и бородкой, в костюме и при галстуке. У него довольно доброжелательный взгляд. Он похож на советского купца, делового человека, каким он и был. О его личной жизни почти ничего неизвестно, но мы знаем, что он был волевым и порой вспыльчивым человеком. В 1928 г. он напрямую пожаловался Сталину на то, что Политбюро слишком торопится заключить торговое соглаше-

²⁶ Антонов-Овсеевский Стомонякову, №268, совершенно секретно, 20 июля 1933, РГАСПИ, Ф.558, ОП.11, Д.790, ЛЛ.52-56, РФ, Вторая мировая война, 1933.

²⁷ Крестинский Антонову-Овсеевскому, копия Сталину, №1382, совершенно секретно, личное, 26 июля 1933.

ние с Берлином. Он сетовал, что уступки слишком велики. Именно эти комментарии о деятельности НКВД стали причиной разногласий между Стомоняковым и Литвиновым. Стомоняков был настолько возмущен, что даже попросил о переводе. В то время он уже был членом коллегии НКВД. Но, как говорят, впоследствии они с Литвиновым хорошо ладили.

Осенью стало очевидно, что Польша приближалась к заключению соглашения с Германией. Стомоняков справлялся со своей работой и крепко держал в руках советскую политику в Польше. В начале октября он снова информировал посольство в Варшаве о последних событиях. Французско-польские отношения отличались враждебностью и недоверием, хотя и скрываемыми. Бек приехал в Париж, чтобы подчеркнуть, что обе стороны всё ещё ценили франко-польский союз. Стомоняков сделал вывод, что это был «брак по расчёту». Он также сообщил полпреду в Варшаве В.А. Антонову-Овсеенко, что польское правительство поддерживало антисоветскую деятельность на западе Украины и что эта кампания уже перекинулась на другие страны²⁸. Через две недели сотрудник советского консульства во Львове был убит украинским националистом. А в середине октября польские и немецкие дипломаты провели переговоры об урегулировании нерешенных проблем.

15 ноября министерство иностранных дел Польши сообщило послу Лярошу о недавно прошедшей встрече польского посла Юзефа Липского с Гитлером²⁹. Антонову-Овсеенко такой любезности не оказали. На следующий день было опубликовано совместное коммюнике. Стомоняков потребовал объяснений у польского посла Юлиуша Лукаевича. Посол, краснея, — по словам Стомонякова — вынужден был признать, что польско-немецкое соглашение о ненападении было более чем вероятным [Кен, 1996: 95–96].

Тем не менее Стомоняков подтвердил Антонову-Овсеенко, что НКВД будет продолжать следовать курсу сближения с Польшей и польско-немецкие переговоры не повлияют на советскую политику. Целью оставалось усиление тех элементов в Польше, которые ориентировались на «дружбу с СССР против Германии». Единственным обстоятельством, которое могло привести к изменению политики, было заключение польско-немецкого соглашения против СССР. Такой вариант нельзя было представить, если бы ему не предшествовало нападение японцев на Дальнем Востоке. В таком случае соглашение для урегулирования территориальных споров между Польшей и Германией за счёт Советского союза могло быть возможным. Стомоняков добавил, что улучшение отношений с США способствовали продолжению советской политики в отношении Польши. Все элементы советской политики складывались в единую большую мозаику. «Единственный практический урок, который мы должны вынести из недавних событий в наших отношениях с Польшей», — отмечал Стомоняков, — «это необходимость проявлять большую осторожность и бдительность с нашими польскими партнерами. Невозможно переоценить значение заверений, которые делают нам польскими политиками; нельзя под влиянием потепления в наших отношениях принимать за чистую монету «излияния», которые иногда напрямую направлены на дезинформацию». Стомоняков всё ещё пытался остудить оптимизм Антонова-Овсеенко по поводу будущего советско-польских отношений [Советско-польские отношения, 2017: 168–170]³⁰.

Во время встречи с Беком Антонову-Овсеенко обвинил новостной отдел МИД Польши в «прямой дезинформации», а по сути — в наглой лжи, так как в разговоре с корреспондентом ТАСС в Варшаве проведение каких-либо переговоров между

²⁸ Стомоняков Антонову-Овсеенко, № 4272, секретно, 4 октября 1933, АВП РФ, Ф.05, ОП.13, П.93, Д.48., ЛЛ.33–37.

²⁹ Laroche, nos. 691–700, 16 Nov. 1933, DDF, 1re, V, 27–29.

³⁰ Стомоняков Антонову-Овсеенко, № 4326, секретно, 19 ноября 1933.

Германией и Польшей полностью отрицалось. Антонов-Овсененко считал, что такое поведение едва ли вселит уверенность в Москве. Застигнутый врасплох, Бек не нашелся что ответить. Он попытался объяснить польскую политику как *saive qui peut* [отчаянная попытка спастись — Прим. пер.]. «Женевские институты не работают, как и конференция по разоружению». Поэтому мы ищем возможности вне Женевы. Тем не менее Бек предложил «тесное сотрудничество» по разоружению и другим вопросам³¹.

Антонов-Овсененко предложил объяснение польским переговорам с Германией. Оно сводилось к следующему: чтобы защитить свои национальные интересы, Польша могла рассчитывать только на себя. Не существовало единого антигерманского фронта. Ни Франция, ни Малая Антанта, и тем более ни Британия или Италия не были для Польши «надёжными» союзниками против Германии. Польшу окружали государства, готовые пожертвовать ей, чтобы самим избежать конфликта с Германией. Согласно Антонову-Овсененко, Польша могла бы избежать изоляции путем усиления отношений с СССР при одновременной отмене рапальской политики. Поскольку «превентивная война» с Германией была немыслима, Польша была вынуждена сгладить отношения с Берлином, выиграть время и вместе с этим обеспечить себе место среди европейских держав. Очевидно, Антонов-Овсененко всё ещё считал, что для Москвы рапальская политика остается возможным вариантом, хотя на самом деле она была обречена. Он предупредил, что призыв Радка играл на руку немцам [Советско-польские отношения, 2017: 176–180]³².

Корреспондент ТАСС в Варшаве писал, что поляки не готовы скидывать «советские карты», усиливавшие польскую позицию в Берлине. У всех есть карты, которые можно разыграть. Поляки пытались вы-

играть время, скажем, три года. Политика Бека была не прогерманской, а пропольской — «маневрировать очень осторожно»³³. Нацистская Германия отличалась от других великих держав. Польша думала, что сумеет оседлать тигра, но на это рассчитывали и другие европейские страны. И как мы увидим, все они, включая СССР, ошибались.

Радек, должно быть, считал себя экспертом по вопросу Польши, если принял участие в обсуждении советско-польских отношений. Он понимал, что написать Сталину значило вмешаться в эти отношения, поэтому он ограничился немногим. «Очень много зависит», — писал Радек, — «от расстановки людей. Товарищ Антонов-Овсененко смалодушничал и не сказал вам, что сказал мне». Таким образом Радек занял одну из сторон в том, что представлялось ему конфликтом между НКВД и Антоновым-Овсененко по вопросу советской политики в отношении Польши. Антонов-Овсененко и Стомоняков «постоянно обмениваются полемическими письмами». Аппарат НКВД, воспитанный на Рапалло, занял одну линию, другую же представлял полпред Антонов-Овсененко. Радек заблуждался, линия Рапалло затухала, а Стомоняков призывал к осторожности, но не выступал против сближения с Польшей. Радек считал, что в НКВД распространяются ложные слухи. Глава пресс-бюро, например, передал от Литвинова в пресс-центр в Варшаве, что все разговоры о сближении с Польшей — не более чем «радековское увлечение». Так значит, Радек отстаивал его взгляды на политику. Он видел борьбу внутри каждой из конкурирующих сторон, которая осложняла сближение с Польшей. Переписка НКВД говорит о другом, но как знать, что не отражено в переписке? Радек писал: «Если будете считать полезным при разборе отношений с поляками меня вызвать, буду очень благодарен»³⁴.

³¹ Запись разговора с Беком и журналистами «Gazeta Polska» Богуславом Медзинским и Игнацием Матушевским, 20 и 23 ноября 1933, ДВП, 667–673; и Антонов-Овсененко Стомонякову, 1 декабря 1933, там же, 697–699.

³² Антонов-Овсененко Стомонякову, №449, совершенно секретно, 27 ноября 1933.

³³ Ковальский И.А. (Варшава) Радеку, 28 ноября 1933, РГАСПИ, Ф.558, ОП.11, Д.790, Л.105 (р/в), РФ, Вторая мировая война, 1933.

³⁴ Радек Сталину, личное письмо, 3 декабря 1933, РГАСПИ, Ф.558, ОП.11, Д.790, ЛЛ.106-07, РФ, Вторая мировая война, 1933.

Крестинский оставался хладнокровным. Нам не нужно ничего говорить Германии и Польше по поводу их возможного сближения, советовал Крестинский берлинскому посольству: «Как и до встречи Гитлера и Липского, так и после мы были и будем осторожны и сдержанны»³⁵. Неназванный большевик в частном разговоре с французским военным атташе в Москве полковником Эдмоном Мендрасом высказался об этом более язвительно: «Когда поляки любезничают... мне всегда интересно, какую пакость они собираются сделать»³⁶. Но, конечно, поляки могли сказать то же самое о русских. Дела между двумя народами шли в таком духе на протяжении, по крайней мере, нескольких столетий.

В середине декабря Антонов-Овсеенко напрямую написал Сталину, не отправив копии в НКВД. «Как ни оценивать польско-германскую игру, моя оценка Вам известна: несомненно одно — нам необходимо противодействовать усилению германо-фильских тенденций в Польше. Сейчас Германия производит невиданный нажим на Польшу. Мы бы облегчили антисоветскую работу немцев и японцев, если бы не продолжали начатой линии сближения с Польшей». Никто в НКВД не сказал Антонову-Овсеенко, что сближение с Польшей откладывалось, но некоторые сомнения у него оставались и он решил обратиться напрямую к Сталину. Он дал Сталину ряд рекомендаций, таких как повысить польскую дипломатическую миссию в Москве до статуса посольства и «обязать» Литвинова в рамках следующей зарубежной командировки, остановиться в Варшаве и встретиться с Беком. Сталин распорядился направить полученную депешу в архив³⁷.

В середине декабря Литвинов встретился с Лукасевичем, чтобы получить разъяснения по поводу заявлений Бека Антонову-Овсеенко. Предполагается ли превратить

«декларацию» в письменный договор? Посол ответил отрицательно. Литвинова это не убедило. Однако он перевел разговор на проект совместной советско-польской декларации о мире и безопасности в Прибалтике и проведении консультаций в случае угрозы независимости стран Балтии. Лукасевич не проявил энтузиазма, но Литвинов попросил его направить проект Беку³⁸. Что задумывал нарком? Было ли это попыткой продолжить игру с Польшей или просто проверкой намерений поляков? Через несколько дней Лукасевич вернулся с ответом от Бека. В общем он был согласен, но считал, что проект требует доработки и обсуждения. Литвинов предложил Беку обсудить это лично в Москве. Посол, конечно, согласился, но сомневался по поводу подходящей даты³⁹. В тот же день Стомоняков сообщил о сложностях с Лукасевичем, который поднял старый спор, в последний раз обсуждавшийся десять лет тому назад⁴⁰. Что же замыслили поляки? Бек раскрыл карты спустя несколько дней в разговоре с Антоновым-Овсеенко, как будто выражая понимание причин демарша Литвинова. Он сам поднял вопрос, который не был задан напрямую. Он сказал, что не было никакого противоречия между переговорами с Германией и сближением с Советским Союзом. Это связанные вопросы. Он не торопился с ответом по поводу проекта Литвинова, но соглашался приехать в Москву. Антонов-Овсеенко хотел обсудить польский демарш в Берлине. Окружавшая его секретность, сказал полпред, продолжала вызывать недоумение в Москве. Бек не ответил на это замечание напрямую, но сказал, что «в принципе» заключение с Германией пакта о ненападении было возможным. Экономические переговоры идут не очень хорошо, добавил Бек, «но Польша завершила свой маневр в Берлине и этим заявила и отстояла свою международную

³⁵ Крестинский Б.Д. Виноградову (Берлин), №1524, совершенно секретно, 27 ноября 1933, АВП РФ, Ф.05, ОП.13, П.91., Д.27, ЛЛ.78–79.

³⁶ Mendras, compte-rendu mensuel, no. 9, 27 Feb. 1934, Château de Vincennes, Service historique de l'armée, 7N 3121.

³⁷ Антонов-Овсеенко Сталину, без номера, совершенно секретно, 13 декабря 1933, РГАСПИ, Ф.558, П.11, Д.359, ЛЛ.19–20, РФ, Вторая мировая война, 1933.

³⁸ Запись разговора с польским послом, 14 декабря 1933, ДВП, XVI, 746–47.

³⁹ Запись разговора с польским послом, 19 декабря 1933, ДВП, XVI, 755–56.

⁴⁰ Стомоняков Антонову-Овсеенко, № 4460, секретно, 19 декабря 1933, АВП РФ, Ф.05, ОП.13, Д.48, ЛЛ.38–39.

позицию. Польша хочет, чтобы касающиеся её вопросы решались только при её участии». Конечно, это было честным объяснением польской политики; единственным вопросом оставалось, достаточно ли у Польши сил, чтобы этого добиться. Бек говорил о Франции и других делах, затем спросил о переговорах Литвинова в США. Он отметил, что есть намеки на сближение США и Советского Союза. Полпред ответил, что Рузвельт и Литвинов также обсудили «тройственный союз» Польши, Франции и Советского Союза. На это Бек ничего не сказал⁴¹.

Среди собеседников Бек не пользовался большой популярностью. Для своего высокого положения он был очень молод: родился в Варшаве в 1894 г. и стал министром иностранных дел, когда ему не было и сорока лет. Его отец был юристом и польским националистом, вступившим в конфликт с царской полицией до Мировой войны. Семья в итоге переехала в Австро-Венгрию. В 1914 г., когда разразилась война, Бек едва закончил университет. Он вступил в польский легион Юзефа Пилсудского, собранный правительством в Вене для борьбы с русскими. В конце войны он стал офицером польской армии и служил военным атташе в Париже, где его встретили по большей части презрением. Это обстоятельство свидетельствует, скорее, в пользу Бека, поскольку после войны французы вели себя как высокомерные колонизаторы и чаще всего смотрели на Польшу как на зависимую страну, а на поляков — как на низший по сравнению с французами сорт людей. Но польской элите тоже не было чуждо высокомерие, они надеялись снова сделать Польшу великой державой, какой она была в конце Средних веков. Ни французы, ни поляки не были сильны настолько, как сами о себе думали. Циник бы сказал, что они друг друга стоили. На фотографиях Бек — высокомерный муж-

чина крепкого телосложения с редящими черными волосами и крупным носом. Он был женат, но не был верным мужем. Как многие его современники, он был «альфасамцом», подчеркнуто гетеросексуальной ориентации, питавшим, как поговаривали, особую склонность к юным девушкам. Однако не это вызывало ненависть и недоверие к нему. Дело было во лжи, хитрости и нечистой игре, приправленной верой в величие Польши. О таких говорят «нет более слепого, чем тот, кто не желает видеть».

Советская военная разведка доложила информацию из немецкого посольства в Варшаве: поляки поставили перед Германией вопрос о заключении пакта о ненападении⁴². Сообщалось, что Германия согласилась. К сообщениям разведки всегда надо было относиться с большой осторожностью, но Бек лично подтвердил движение к заключению пакта о ненападении. Предложения, высказанные Антоновым-Овсеенко Сталину, ничего бы не изменили, если поляки уже приняли решение о сближении с Германией. Была ещё одна встреча с журналистами Медзинским и Игнацием Матушевским, но этот канал, казалось, уже практически исчерпал себя. Они и сами не знали, что произойдет и к чему приведут переговоры. Им были недоступны детали переговоров с немцами. Медзинский бодрился, когда говорил о советско-польском сближении, но было ли это добрым знаком?⁴³

Антонов-Овсеенко был недоволен коллегам из НКВД. В написанном от руки письме Радеку он приветствовал согласие Бека на встречу с Литвиновым в Москве (Бек должен был приехать в феврале). Это было «антинемецкой демонстрацией, [которая] должна была заткнуть рот тем, кто кричал о провале «линии Радека». Антонов-Овсеенко считал, что Бек в отношениях с немцами тянул время, чтобы усилить позицию Польши. Медзинский придержи-

⁴¹ Запись разговора с Беком, Антонов-Овсеенко. 22 декабря 1933, ДВП, XVI, 763–65.

⁴² Заместитель начальника 4-го управления РККА Давыдов В.В. начальнику штаба Егорову А.И., копия Ворошилову, Литвинову и др. №058246/сс, совершенно секретно, не позднее 27 декабря 1933, Российский государственный военный архив, Москва (здесь и далее РГВА), Ф.37977, ОП.5, Д.335, ЛЛ.10–14, РФ, Вторая мировая война, 1933.

⁴³ «Беседа с Матушевским и Медзинским 21 декабря 1933», совершенно секретно, РГАСПИ, Ф.558, ОП.11, Д.790, ЛЛ.119–23, РФ, Вторая мировая война, 1933.

вался того же мнения. Но что это значило? НКВД не разделял уверенность Антонова-Овсенко в поляках. Он, однако, видел всё иначе: «переизбыток недоверия к полякам в НКВД» привел к тому, что в НКВД неправильно понимали заявления Бека. «Опасаясь, что серьезный политический акт [вероятно, речь о двусторонних гарантиях безопасности в Прибалтике — Прим. авт.], задуманный хозяином НКВД, который разумеет его только как проверочный маневр и, следовательно, будет проводить его небрежно и высокомерно в отношении поляков, будет невольно сорван». Антонов-Овсенко вернулся к данным ранее Сталину рекомендациям. Это было его программой, но были ещё и недружественные поляки. Ему нужна была помощь Москвы. «Поддержите меня, друг, в этом...» В Варшаве «громадные перспективы для работы вновь открыты», — добавлял Антонов-Овсенко, — «но средств (людей, денег) нет... Надо бы подкрепить Ковальского [корреспондента ТАСС в Варшаве — Прим. авт.]»⁴⁴. Ему следовало обратиться за помощью к Стомонякову или Крестинскому. Возможно, они бы не отказали. Антонов-Овсенко же не пользовался каналами, которые не одобрили его руководители из НКВД.

Летом и осенью 1933 г. переговоры между Польшей и Советским Союзом продолжались, как и беседы Дирксена и Крестинского. Всё верховное руководство в Берлине, любил повторять Дирксен, говорит ему, что они поддерживают продолжение хороших отношений с Советским Союзом. И сам он, и его руководители хотели знать, не намеревается ли советское руководство пересматривать свою политику в отношении Германии. Предположить такой поворот можно было, например, по публикациям во французской и польской прессе. Дирксен пытался изображать пострадавшую сторону, но с Москвой это не работало. Крестинский придерживался ставшего уже стандартным ответа: совет-

ское руководство не желает менять политику в отношении Германии, но не может игнорировать её поведение по отношению к Советскому Союзу. За этим обычно следовала отсылка к советской «общественности» и его недоверии к продвижению «антисоветского блока» нацистской Германией. Советскому правительству оставалось только занять благоразумную выжидательную позицию и следить за зигзагами немецкой политики, в то же время реагируя на поступающие из других стран сигналы. Тем не менее, общий настрой был на сохранение прежней политики⁴⁵.

Несколько недель спустя произошла ещё одна встреча. На этот раз по поводу речи Гугенберга. Дирксен пришел по другому вопросу, но Крестинский затем перевел разговор к этой теме. «За 12 лет моей работы по линии советско-германских отношений — 9 лет в Берлине и уже почти 3 года здесь — мне ни разу не приходилось говорить по столь неприятному поводу. Я имею в виду ярко антисоветское выступление германской делегации в Лондоне». Он повторил Дирксену ключевые моменты того выступления: колонизация юга России и Восточной Европы в целом, стремление положить конец СССР и советской революции. Немецкая делегация в Лондоне открестилась от речи Гугенберга, но этот ничего не значащий жест не убедил Крестинского. Эти идеи происходили от других нацистских лидеров, хотя ни Гитлера, ни «Mein Kampf» он не упомянул. Выступление настолько входило в противоречие с берлинским соглашением и «дружественными отношениями» между Германией и СССР, что от Берлина требовались разъяснения. Дирксен ответил, что только слышал о лондонской речи и сам запросил разъяснения из Берлина. Затем Дирксен поднял «текущий вопрос» о железной дороге от Ленинграда до Щецина и Гамбурга. «Я сказал», — писал Крестинский в своем дневнике — «что решение о её закрытии

⁴⁴ Антонов-Овсенко Радеку, рукописное письмо, 30 декабря 1933, РГАСПИ, Ф.558, ОП.11, Д.790, Л.116 (р/в), РФ, Вторая мировая война, 1933.

⁴⁵ Отрывок из дневника Крестинского, «Прием Германского Посла Дирксена, 3 июня 1933 года», секретно, АВР РФ, Ф.082, ОП.16, П.71, Д.1, ЛЛ.233–226.

является окончательным». Хотя Крестинский не говорил об этом, ровно в то же время советское правительство закрыло совместные с Германией программы военной подготовки и обмена. Ещё не закончился июнь, а советское правительство уже отказалось от рапалльской политики. Дирксен хотел ответить замечаниями о том, что в советской прессе также плохо отзывались о Германии, но на Крестинского это не подействовало. Настоящее положение дел было в десять раз хуже того, о котором писали в самых пессимистических советских публикациях. Казалось, что вся его двенадцатилетняя работа пошла насмарку. Заявления Гугенберга всё перечеркнули⁴⁶.

Несколько дней спустя Дирксен вновь встретился с Крестинским. Это была обычная беседа, но на этот раз Дирксен пожаловался на демонстрации, прошедшие накануне во время похорон высланной немецкой коммунистки Клары Цеткин. На десяти тысячной демонстрации присутствовали все крупные советские лидеры, включая Сталина, Молотова и Ворошилова. «Вы абсолютно правы», — ответил Крестинский, когда Дирксен закончил говорить. Широкие массы не только в нашей партии, но и в целом в Советском Союзе неспокойно реагируют на происходящее в Германии, причем не только, когда это связано с СССР, но и когда касается коммунистов, рабочих, евреев и прогрессивной немецкой интеллигенции. Но, конечно же, сила нашего партийного руководства позволит ему проводить нужную внешнеполитическую линию в немецкой политике. Однако для этого нужны соответствующие условия, главное среди которых — убежденность в доброй воле со стороны Германии, а такой убежденности, «к сожалению», нет⁴⁷.

Дирксен вернулся в НКВД в июле, но в этот раз Крестинский был с ним не слишком-то радушным. Дело было после

выступления Гугенберга. Замнарком высказал недовольство новой антисоветской кампании в прессе, которая очевидно разворачивалась при поддержке правительства. «Наша общественность» — снова привычная отсылка — вполне может увидеть во враждебных заявлениях «объявление ей войны немецкими политическими кругами и немецкой общественностью». В заключении своего отчета Крестинский писал, что предупредил Дирксена, и на этот раз не добавил никаких смягчающих слов о сохранении прежней политики⁴⁸.

Через три недели Дирксен снова встретился с Крестинским, чтобы сообщить о своем переводе в немецкое посольство в Токио. Если верить отчету об этой встрече, Крестинский ответил, что он и его коллеги встретили эту новость с сожалением. Дирксен же сказал, что покинуть Москву будет нелегко, но за последние месяцы условия работы изменились настолько, что приспособиться к ним сложно. Так Дирксен повернул разговор к рабочим вопросам и продолжил свою линию на восстановление хороших советско-германских отношений. Он уколол Крестинского: «Очевидно, советское правительство не может примириться с коренным изменением политического строя в Германии и меняет свою внешнюю политику». Крестинский парировал уже знакомым Дирксену аргументом. «Я ответил», — писал он в своем дневнике, — «что наша настороженность по отношению к Германии объясняется вовсе не нашим отношением к внутривнутриполитическому строю Германии. Это есть реакция на внешнюю политику Германии. До тех пор, пока Германия делами, а не словами не докажет своего желания продолжать прежнюю политику, до тех пор, пока с германской стороны будут продолжаться антисоветские выступления, до тех пор мы не можем отказать от нашей выжидательной настороженности». Дирксен же повторял одно

⁴⁶ Орывок из дневника Крестинского «Прием Германского Посла фон Дирксена 19.VI.1933 года», секретно, РГВА, Ф.33987, ОП.3а, Д.497, ЛЛ.163–65, РФ, Вторая мировая война, 1933.

⁴⁷ Орывок из дневника Крестинского, «Прием германского Посла фон Дирксена, 23 июня 1933», секретно, АВР РФ, Ф.082, ОП.16, П.71, Д.1, ЛЛ.264–261.

⁴⁸ Орывок из дневника Крестинского, «Прием германского посла фон-Дирксена, 2 июля 1933», секретно, АВР РФ, Ф.082, ОП.16, П.71, Д.1, ЛЛ.271–268.

и то же: он говорил с руководством в Берлине и убежден, что там хотят сохранить «прежнюю политику».

«Германское правительство сделало и ряд шагов на этом пути», — настаивал Дирксен, — «по моему мнению, сейчас слово не за Германией, а за СССР»⁴⁹. Похожие реплики часто звучали в отношениях между СССР и Западом: «После вас, Альфонс. Нет, прежде вы, дорогой Гастон».

Через два дня поверенный в делах Германии Фритц Твардовски в разговоре с Крестинским, завел старую пластинку об улучшении отношений. «Мы считаем», — ответил Крестинский, — «гермпра [правительство Германии] должно не только словами, но и делами доказать свою добрую волю и искренность в отношении продолжения прежней политики». Но, по всей видимости, это был необычный разговор, так как Крестинский отправил его запись Сталину⁵⁰.

Дирксен тоже вернулся к этой теме. Очевидно, неудовлетворенный ответами Крестинского, посол просил о встрече с Молотовым. Он очень занят, ответил замнарком, но тем не менее через несколько дней Молотов нашел время для встречи. Крестинский сообщил в советское посольство в Берлине, что это было повторением его собственных разговоров с Дирксеном и Твардовски. Молотов уверил Дирксена что со стороны Советского Союза политика, установленная Рапалльским договором, оставалась в силе, но недавние события в Германии вызывали опасения. Молотов привел в пример недавнюю речь министра пропаганды Йозефа Геббельса, в которой тот клеймил Рапалльский договор. Крестинский сообщил в советское посольство в Берлине, что Дирксен подытожил встречу, заявив, что его позиция, которую он

готов представить в Берлине, стала убедительней⁵¹.

В начале сентября произошла «серия новых случаев нелояльности и недружелюбности немецких властей». Литвинов поручил посольству в Берлине обсудить их с министерством иностранных дел Германии как ещё одно подтверждение перемен в немецкой политике. Твардовски встретился с Литвиновым, чтобы обсудить привычный вопрос «нормализации отношений». Литвинов ответил, что этому не помогут ни объяснения, ни заявления, если правительство Германии официально или неофициально продолжит ту же политическую линию⁵².

Твардовски снова встретился с Литвиновым в конце сентября: та же пластинка и та же роль потерпевшей стороны. Отношения ухудшаются, говорил Твардовски, «несмотря на то, что правящие круги в Германии искренне хотят восстановить отношения и исправить все ошибки и поводы для недовольства». Можно только представить, как Литвинов закатил глаза, думая про себя: опять то же самое, вы что нас, за дураков держите? Но Твардовски продолжал: «... Мы заметили изменение отношений [Советского Союза] с Францией... [и] посланник дружественной державы сообщил своему правительству, что, по всей видимости, советские власти направили в Париж подробную информацию о немецких... вооружениях...». Затем беседа перешла на другие темы, например, говорили об отношении к советским журналистам. Твардовски ответил, что правительство — новое, и новички у власти не всегда соблюдают общую дисциплину. «Я предложил список...», — ответил Литвинов, — «антисоветских эксцессов немецких властей, по поводу которых мы без-

⁴⁹ Отрывок из дневника Крестинского, «Прием германского посла фон Дирксена 25 июля 1933 года», секретно, АВП РФ, ф.05, ОП.13, П.90, Д.11, ЛЛ.178–82.

⁵⁰ Отрывок из дневника Крестинского, «Прием Советника Германского посольства Твардовского, 27 июля 1933 года», секретно, АВП РФ, ф.082, ОП.17, П.77, Д.11, ЛЛ.293–290.

⁵¹ «Запись беседы тов. Молотова с германским послом фон Дирксеном, 4.VIII.1933», совершенно секретно, «СССР-Германия», 66-68; и Крестинский С.А. Бессонову, поверенному в делах, Берлин, № 1388-Г001, совершенно секретно, 4 августа 1933, АВП РФ, ф.082, ОП.17, П.77, Д.1, ЛЛ.298–297.

⁵² Литвинов Бессонову, №95/Л, секретно, 4 сентября 1933, АВП РФ, ф.082, ОП.17, П.77, Д.1, Л.310; и Дневник Литвинова «Прием фон Твардовского, 14.X.1933 г.», секретно, там же, Л.313.

результатно протестовали. МИД Германии вежливо принимает наши протесты, выражает сожаление, приносит извинения, обещает принять меры, но на следующий день антисоветские выпады возобновляются. Мне кажется, что в Германии наше терпение переоценивают». Твардовски в ответ повторил, что это — недостаток дисциплины. «Правительство Германии, — ответил Литвинов, — как будто стало привыкать уже к нашим протестам как к совершенно нормальному явлению, и перестало быть восприимчивым к ним. Очевидно, нужны более сильные средства, чтобы заставить германское правительство почувствовать, что нашему терпению есть предел». Домыслы же Твардовски, что советские власти передают французам какую-то информацию — «является совершенным вымыслом какого-либо досужего или зловредного дипломата». И он повторил предупреждение: «Когда Германия пренебрегает нашей дружбой, а другие страны этой дружбы ищут, мы, естественно, сближаемся с этими другими странами, но из этого не вытекает какая-либо враждебность к Германии или желание ей вредить». Дверь по-прежнему открыта, если Германия захочет принять приглашение. Твардовски всё понял и не для записи спросил у Литвинова, что можно сделать, чтобы выйти из этого тупика. Литвинов ответил, что это пока не обсуждалось, но по меньшей мере необходимо «устранить причины, спровоцировавшие настоящий конфликт»⁵³.

Осенью продолжился обмен теми же репликами. В начале октября Литвинов направил в посольство в Берлине свежие инструкции, повторяющие то, что он сказал Твардовски. Литвинов похоронил идею встречи Крестинского и Гитлера в Берлине в конце октября, которую считал особенно неуместной после недавнего выхода

Германии из Лиги Наций и Конференции по разоружению⁵⁴. Сталин, в это время отдыхавший на юге, усомнился в правильности этого решения. «Какое нам дело до Лиги Наций и почему мы должны произвести демонстрацию в честь оскорбленной Лиги и против оскорбившей её Германии?» Это был обычный для Сталина цинизм, но тогда он признал, что не располагает всей необходимой информацией. Решение оставалось за Крестинским, хотя Политбюро разрешило Литвинову, направлявшемуся в Вашингтон для обсуждения восстановления дипломатических отношений, остановиться в Берлине, чтобы встретиться с фон Нейратом или Гитлером, если он того пожелает. Советское правительство всё ещё было расположено к «восстановлению прежних отношений» [Сталин и Каганович. Переписка, 2001: 388-389; Вестник, 2009: 77]⁵⁵.

Литвинов на полчаса встретился с фон Нейратом в Берлине. Они поспорили о журналистах, но серьезного обсуждения советско-немецких отношений не было. Как и с Дирксеном, был поднят вопрос об отношениях с Францией и Польшей. «Я отметил, — писал Литвинов в своем дневнике, — что мы также, как и Германия, будем стремиться к дальнейшему сближению с двумя этими странами. Я в шутку добавил, что наше расположение к Франции и Польше будут повышаться по мере роста любви Германии к ним. Нейрат ответил, что не возражает против такого рода «конкуренции»». Но, если оставить шутки, то вряд ли получасовая встреча могла разрешить существовавшие проблемы в отношениях между Германией и СССР. Нейрат пожелал Литвинову удачи в США [Вестник, 2009: 78-80]⁵⁶. Как оказалось, успех миссии Литвинова в Вашингтоне в дальнейшем повлиял на политику СССР в отношении

⁵³ Орывок из дневника Литвинова, «Прием Твардовского, 26.IX.1933 г.», АВР РФ, Ф.05, ОП.13, П.89, Д.4., ЛЛ.134-137.

⁵⁴ Литвинов Хинчуку, №128/Л, секретно, 4 октября 1933, АВР РФ, Ф.05, ОП.13, П.91, Д.27, 62-64; и Литвинов Хинчуку, №150/Л, секретно, 17 октября 1933, там же, ЛЛ.67-68.

⁵⁵ Сталин/Калинин Молотову, Кагановичу, 16 октября 1933 и отрывок из протокола Политбюро, №П148/82-опр., сверхсекретно, 25 октября 1933.

⁵⁶ Орывок из дневника Литвинова, «Беседа с фон Нейратом», секретно, 28 октября 1933.

⁵⁷ Орывок из дневника Крестинского, «Прием Германского посла фон Дирксена 28.X и 1.XI.1933», секретно, АВР РФ, Ф.082, ОП.17, П.77, Д.1, ЛЛ.347-343.

Германии. В Москве Дирксен во время прощальных визитов в НКВД дал уже привычные комментарии. Крестинский записал в своем дневнике, что он вежливо выслу-

шал, но предпочел воздержаться от ставшего обычным ответа⁵⁷. Какой в этом был смысл?

Список литературы:

Карлей М.Дж. Тайная война. Запад против России. 1917–1930. — Москва : Издательство «ИстЛит», 2019. — 768 с.

Tucker R.C. Stalin in power : the revolution from above, 1928–1941. — New York : Norton, 1990. — 707 p.

Бонвеч Б. Советский союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг. Документы из Архива Президента Российской Федерации / Б. Бонвеч, С. Кудряшов. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия: 1933–1941 / под ред. Кудряшов С.В. — Москва : Архив Президента Российской Федерации, 2009. — С. 13–41.

Кен О.Н. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. 1928–1934. / О.Н. Кен, А.И. Рупасов. — Санкт-Петербург : Европейский дом, 2000. — 704 с.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 798 с.

Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия: 1933–1941 / под ред. Кудряшов С.В. — Москва : Архив Президента Российской Федерации, 2009. — 368 с.

Карлей М. Once Burnt, Twice Shy: the Failure of Mutual Assistance Against Nazi Germany, 1933–1935 // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2020. — Т. 11. № 3. DOI: 10.18254/S207987840009129-0.

Ken O.N. Collective security of isolation? : Soviet foreign policy and Poland, 1930–1935. — Saint Petersburg : Evropeiskiy Dom, 1996. — 328 p.

Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сборник документов в 4-х томах. Том 3: 1932–1939 гг. / Сост. С.А. Сляров; под общей редакцией М.М. Наринского и А.В. Мальгина. — Москва : Аспект пресс, 2017. — 638 с.

References:

Carley, M. J. (2019) *Tainaia voina: Zapad protiv Rossii 1917–1930* [Secret War. The West against Russia 1917–1930]. Moscow: Historical literature. (In Russian).

Tucker, R. C. (1990) *Stalin in power : the revolution from above, 1928–1941*. New York: Norton.

Bonwetsch, B. and Kudryashov, S. (2009) 'Sovetskii soiuz, Stalin i Germaniia v 1933–1941 gg. Dokumenty iz Arkhiva Prezidenta Rossiiskoi Federatsii' [Soviet Union, Stalin and Germany in 1933–1941 Documents from the Archive of the President of the Russian Federation], in *Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiiskoi Federatsii. SSSR — Germaniia. 1932–1941* [Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation. USSR — Germany. 1932–1941], pp. 13–41. (In Russian)

Ken, O. N. and Rupasov, A. I. (2000) *Politbiuro TsK VKP(b) i otnosheniia SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920–1930-kh gg.): Problemy. Dokumenty. Opyt kommentarii*. Chast' 1. 1928–1934 [Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the relations of the USSR with the western neighboring states (late 1920s–1930s): Problems. Documents. Commentary experience. Part 1. 1928–1934]. St. Petersburg: Evropeiskiy Dom. (In Russian)

Khlevniuk, O. V. et al. (eds) (2001) *Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 gg* [Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931–1936]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Kudryashov, S. (ed.) (2009) *Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiiskoi Federatsii. SSSR — Germaniia. 1932–1941 [Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation. USSR — Germany. 1932–1941]*. Moscow: Archive of the President of the Russian Federation. (In Russian)

Carley, M. (2020) 'Once burnt, twice shy: The failure of mutual assistance against nazi Germany, 1933–1935', *Istoriya*, 11(3). doi: 10.18254/S207987840009129-0.

Ken, O. N. (1996) *Collective security of isolation? : Soviet foreign policy and Poland, 1930–1935*. St. Petersburg: Evropeiskiy Dom. (In English)

Sklyarov, S. A., Narinskiy, M. M. and Malgin, A. V. (eds) (2017) *Sovetsko-pol'skie otnosheniia v 1918–1945 gg. Sbornik dokumentov v 4-kh tomakh. Tom 3: 1932–1939 gg [Soviet-Polish relations in 1918–1945 Collection of documents in 4 volumes. Volume 3: 1932–1939]*. Moscow: Aspekt press. (In Russian)

Информация об авторе

Карлей Майкл Джабара — профессор Монреальского университета (Канада). Перевод Наталии Александровны Остроглазовой, МГИМО МИД России (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Michael Jabara Carley — Professor of the University of Montreal (Canada). Translated by Natalia A. Ostroglazova, MGIMO University (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 28.12.2020; одобрена после рецензирования 10.02.2021; принята к публикации 03.03.2021.

The article was submitted 28.12.2020; approved after reviewing 10.02.2021; accepted for publication 03.03.2021.